

Марина Сорокина

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
Отдел истории российского зарубежья
msorokina61@gmail.com

811.16'27:929 Јакобсон Р.

<https://doi.org/10.18485/slavitika.2020.24.1.3>

Оригинални научни рад
примљено 03.04.2020.

прихваћено за штампу 21.05.2020.

БОЛЬШАЯ СЛАВИСТИКА И БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА: РОМАН ЯКОБСОН (1896–1982) И КОРОЛЕВСТВО СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ

Выдающегося лингвиста и филолога Романа Якобсона (1896–1982), члена-корреспондента Сербской академии наук и искусств, многое связывало с Королевством сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Сербией в межвоенный период XX века — прежде всего его многолетний научный интерес к народному эпическому творчеству и народному стихосложению, сотрудничество с сербскими филологами, а также участие во второй половине 1920-х гг. в международном проекте по изучению живого эпического сказительского мастерства на Балканах и в СССР. Однако, помимо научных связей и проектов, была еще одна сфера пересечения Якобсона с Югославией, которая никогда прежде не рассматривалась в историографии, — активное участие филолога, в 1920-е гг. сотрудника советского дипломатического представительства в Праге, в неформальных переговорах с целью установления дипломатических отношений между советской Россией и КСХС. Статья, основанная на впервые введенных в научный оборот документах из Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ, анализирует и представляет роль Якобсона в этом процессе.

Ключевые слова: Р.О. Якобсон, А. Белич, М. Ивич, Н. Пашич, С. Ключич, внешняя политика, дипломатическое признание СССР, история славяноведения, славистика, русская эмиграция, русское зарубежье, социальная история науки.

The eminent linguist and philologist Roman Jacobson (1896–1982), a corresponding member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, focused considerable amounts of his attention on the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (KSCS) and Serbia during the interwar period primarily through his continual scientific interest in epic folk art and folk meter and cooperation with Serbian philologists. He also actively participated in the international project for the study of living epic storytelling in the Balkans and the USSR in the 1920s. However, in addition to these scientific contacts and projects, Jacobson's contact with Yugoslavia included another area, which has not been considered before: the active participation of the philologist, an employee of the Soviet diplomatic mission in Prague in the 1920s, in secret negotiations aimed at the establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and the KSCS. This paper, based on investigations of newly discovered documents in the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, examines the role of Jacobson in this process.

Keywords: Roman Jacobson, A. Belić, M. Ivić, N. Pašić, S. Kluić, foreign policy, USSR diplomatic recognition, the history of Slavic studies, Slavic studies, Russian emigration, Russia Abroad, social history of science.

Место и роль профессиональных (персональных и институциональных) и геополитических практик славистики и славистов в новом европейском пространстве, возникшем после Первой мировой войны, остаются недостаточно изученными. Между тем, именно в этот период происходит значительный рост влияния славистики не только как научного института и славистов как академического сообщества, но и как инструмента международных коммуни-

кации и культурной дипломатии. Изменение институционального положения славистики было прямо связано с образованием новых славянских государств (Чехословацкая республика, Королевство сербов, хорватов и словенцев и др.), что актуализировало формирование в этих странах собственных геополитических, научных, культурных и образовательных повесток дня, а также с трансформацией статуса многих членов славистического сообщества, чей «символический капитал», накопленный в рамках национально-освободительных движений, привел их в разряд акторов и политиков мирового уровня. В свою очередь появление «славянского мира» как значимого самостоятельного актора стало важнейшим геополитическим фактором и стимулировало создание новой академической инфраструктуры – кафедр и научно-исследовательских институтов, изучающих языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру славянских народов. Славянские институты и семинарии, ранее существовавшие единично и локально, при отдельных университетах, после окончания Первой мировой войны стали открываться по всей Европе – в 1919 г. в Париже был организован Institut d'études slaves (Институт славянских исследований), содержащийся на средства французского, чешского, югославского и польского правительств и имевший филиалы в Софии, Праге, Варшаве, Загребе, Белграде. В Германии славянские семинары и институты традиционно работали во всех крупных университетах, в 1921 г. Институты по изучению Восточной Европы были открыты в Риме и в Падуе, Неаполе и Флоренции, а также во многих других европейских университетах.

В этих условиях особенно возростала роль славистов как «коммуникаторов», благодаря персональным социальным и научным практикам которых восстанавливались как непосредственные связи внутри академических славистических сообществ европейских стран, многим из которых пришлось пережить тяжелую полосу вынужденных континентальных миграций, так и международные контакты и проекты в целом.

Кроме того, слависты стали играть важную, а нередко и исключительную, роль как посредники (переводчики и организаторы) между возникшими в Европе после военных и революционных потрясений многочисленными национальными эмигрантскими сообществами, властными структурами и обществами стран их нового пребывания. Достаточно упомянуть имена профессоров Александра Белича (1876–1960) и Иржи Поливки (1858–1933), первого президента Чехословацкой Республики Томаша Г. Масарика (1850–1937) и др., чтобы представить масштаб работы, проделанной славистами для адаптации беженцев к новой языковой и культурной среде.

Русские ученые-слависты, многие из которых сами оказались беженцами в результате большевистского переворота и гражданской войны в России (1917–1922), также стали «медиаторами» нового европейского научного и образовательного пространства и внесли существенный вклад в развитие многообразных связей между профессиональными сообществами и гражданскими обществами стран, принявших вынужденных эмигрантов. К этой группе относятся как известные ученые – академики Никодим Кондаков (1844–1925) и Владимир Францев (1867–1942), профессора Макс Фасмер (1886–1962), Евгений Аничков (1866–1937) и др., так и молодые слависты, жившие и рабо-

тавшие в Европе с советскими паспортами, например, Роман Якобсон (1896–1982), Петр Богатырев (1893–1971) и др., а также выросшие уже в условиях эмиграции специалисты младшего поколения (как, например, Илья Голенищев-Кутузов (1904–1969), Кирилл Тарановский (1911–1993) и др.).

В первой половине XX века значение этих «коммуникаторов» и для разделенного российского, и для всего европейского славистического сообщества было исключительным. Благодаря их личным связям поддерживалась циркуляция и трансляция новых научных идей, концепций и практик; в то же время они создавали своего рода коммуникативные коридоры между различными национальными и профессиональными элитами в условиях политически нестабильного межвоенного мира. Таким образом международные научные связи и проекты служили одним из инструментов поиска и новых государственных идентичностей славянских стран, и новых коммуникативных стратегий славистического научного и образовательного сообществ.

В этом контексте судьба известного лингвиста и филолога, профессора Гарвардского университета (США) Романа Осиповича Якобсона (Jakobson; 1896–1982) имеет особый интерес и значение. Приехав в Прагу (Чехословакия) в июле 1920 г. в качестве официального сотрудника Миссии советского Красного Креста по репатриации бывших русских военнопленных Первой мировой войны, исполнявшей в дальнейшем функции первого советского представительства¹, он жил и плодотворно работал в этой стране (Прага, Брно), не имевшей дипломатических отношений с Советской Россией, почти двадцать лет, до 1939 г. Советский паспорт и служба в советской миссии не помешали недавнему выпускнику Московского университета (1917) стать одним из крупнейших лингвистов XX века, инициатором и / или участником многих международных славистических проектов, в том числе одним из основателей Пражского лингвистического кружка, а также профессором (сначала экстраординарным, а затем ординарным) Университета Коменского в Брно. При этом Якобсон не только генерировал идеи и тексты, но и стремился к их продвижению в широком коммуникативном поле – учеников, читателей, коллег, партнеров, патронов, администраторов, позиционируя себя в рамках этой стратегии как индивидуального научного и социального «коммуникатора».

Хотя научное наследие Р.О. Якобсона давно и интенсивно изучается, а современная «якобсонована» насчитывает сотни публикаций (Якобсон 1999; Якобсон 2017; Sini, Castagneto, Esposito (red.) 2018), однако, научной биографии филолога пока не существует. Не в последнюю очередь потому, что многие эпизоды его долгой жизни остаются мало проясненными. В недавней работе П. Стайнер отмечает, что сегодня исследователи все меньше рассматривают научное творчество Якобсона как некую автономную, внеисторическую систему, все более стараясь уловить многоаспектный социальный контекст становления идей и практик филолога — будь то идеологические подтексты его научных теорий, отношения с большевистскими властями и русскими эмигрантами или его про-

¹ Дипломатические отношения между СССР и ЧСР были установлены только в 1934 г., но советская торговая миссия исполняла обязанности постоянного представительства советской России с консульскими функциями.

тивостояние консервативной части академического сообщества Чехословакии и США (Стайнер 2018: 14).

Одним из «ключей», позволяющим судить о «параллельных» практиках молодого Якобсона как «советского спеца», остается мемуарное интервью ученого Б. Янгфельдту (Якобсон 2012). Записанное в 1977 г. и впервые опубликованное в обширных фрагментах в 1992 г., через шесть лет после кончины ученого, оно содержит многие неизвестные факты сотрудничества Якобсона с советским Народным комиссариатом по иностранным делам, сыгравшим важную роль как в профессиональной научной карьере и жизни филолога, так и всего славистического сообщества в XX веке. Поставленное в общий событийный контекст времени, это сотрудничество оказывается знаковым, приоткрывая зону активного взаимодействия Р. Якобсона с советской политической элитой и чиновниками среднего и высшего уровня, а в более отдаленной перспективе – с европейскими политиками, дипломатами и интеллектуалами разных политических направлений. В последнее время этот сюжет получил документальное развитие во многих работах (Генис 2009; Гланц 2011; Сорокина 2016; Сорокина 2019а; Сорокина 2019б; Стайнер 2018; Конеčný, Polley 2014/2015), однако по-прежнему остается интригующим и недостаточно исследованным.

Благодаря своему служебному положению в 20-е годы, а Роман Якобсон являлся заведующим отделом печати (= пресс-атташе) советской миссии в Праге, он имел многочисленные неформальные связи в дипломатических, общественных и культурных кругах Чехословакии и других европейских стран, в том числе Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Этот аспект региональных социальных практик слависта до сих пор вообще не затрагивался в историографии.

В настоящей статье, опираясь на документы из Архива внешней политики (АВП) РФ МИД РФ, связанные с участием Р.О. Якобсона в организации переговоров по установлению дипломатических отношений между СССР и Королевством сербов, хорватов и словенцев в 1923–1924 г., мы лишь обозначим некоторые перспективы изучения этой темы, помогающие лучше понять траектории сложной европейской биографии ученого межвоенного периода, значение которой далеко выходит за персональные рамки, затрагивая историю славистики всего XX века.

«Преданность славянскому миру...»

В июне 1955 г. профессор Гарвардского университета Роман Якобсон был избран членом-корреспондентом Сербской академии наук и искусств (САНИ). В сентябре того же года он приехал в Белград, где состоялась внеочередная Международная встреча славистов, выступил с несколькими докладами и вошел в состав руководства учрежденного Международного комитета славистов от США (Радженович 2019). Для самого ученого, и для всего славистического сообщества избрание Якобсона в САНИ и его приезд в Югославию имели знаковый характер, маркировавший начало восстановления широкого международного сотрудничества славистов, прерванного Второй мировой войной и появлением «железного занавеса».

Фигура американского профессора со сложной судьбой – в 20-50-е годы постоянно объявлявшегося чьим-нибудь «шпионом», а в 1939 г. в силу еврейского происхождения вынужденного бежать из Чехословакии за океан, отражала траектории профессиональных карьер и личных судеб многих европейских славистов и одновременно символизировала постепенное преодоление политических барьеров и наведение профессиональных мостов – вслед за белградской встречей славистов последовали регулярные международные съезды сначала во всех столицах (Москва, София, Прага, Варшава), а затем и в других городах социалистического «блока». Для самого Якобсона визит в Югославию фактически открывал возможности дальнейших поездок в «страны народной демократии», прежде всего в Чехословакию и СССР.

По-видимому, это был первый личный приезд слависта в Белград, несмотря на то, что в межвоенный период его многое связывало с Югославией и Сербией, в частности. Докторат Якобсона, защищенный в пражском Немецком университете Карла Фердинанда в 1930 г. под руководством профессора Ф. Спины, был посвящен строению стихов сербохорватского народного эпоса², а еще ранее филолог³ принимал участие в международном проекте по изучению живого эпического сказительского мастерства на Балканах (Югославии, Албании, Болгарии) и в СССР, инициированном профессором того же Немецкого университета Г. Геземанном, одним из ведущих специалистов по южнославянской литературе и фольклору⁴ (Бахтина 1993: 297–309, 322–323). В рамках этого проекта Якобсон познакомился с сербским лингвистом Гойко Ружичичем (1894–1977), ставшим его единственным сербским соавтором⁵.

Несмотря на разницу в возрасте и статусе, три десятка лет продолжалось, по

² «Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen». Сокращенная версия: Jakobson 1933.

³ Еще в студенческие годы (1914—16) Р.О. Якобсон вместе с П.Г. Богатыревым предприняли ряд поездок по различным уездам Московской губернии для записи живой русской сказочной и обрядовой традиции.

⁴ Судьба Г. Геземанна (1888–1948) была столь же неординарной, как у самого Якобсона. Он получил докторскую степень по немецкой литературе в 1913 г., но вместо продолжения изучения славистики в Лейпциге в 1914 г. отправился в Белград – преподавать немецкий язык в местной гимназии. С началом Первой мировой войны он вступил в сербскую армию в качестве санитаря, при ее отступлении через Албанию попал в плен и был освобожден через нейтральную территорию в Германию. Об этой истории он рассказал в 1935 г. в книге «Die Flucht: Aus einem serbischen Tagebuch 1915 und 1916». В 1922–1944 г. Геземанн преподавал славянскую филологию и балканологию в Славянском семинарии Немецкого университета Карла Фердинанда в Праге, с 1924 г. как ординарный профессор. В 1933–1934 г. он был ректором этого университета. В 1940 г. профессор был направлен МИД нацистской Германии в Югославию для строительства Немецкого научного института в Белграде, но летом 1941 г. покинул город, возобновил преподавание в Праге и стал директором Славянского института. В 1944 г. вышел на пенсию и переехал в Баварию. Его сын Вольфганг (1925–2014) также был профессором славистики в Саарском университете в 1972–1987 г.

⁵ Совместно ими была написана статья о преломлении славянского мифа об оборотне в русской и сербохорватской эпической традиции (Jakobson & Ružičić 1951). После Второй мировой войны Г. Ружичич работал в Византийском центре Гете-Института в Брюсселе, а в 1947 г. уехал в США, где в статусе экстраординарного профессора преподавал в Колумбийском университете.

словам Якобсона, его «тесное и дружественное сотрудничество» с выдающимся сербским славистом и общественным деятелем, академиком Александром Беличем (От чужих к своим 2016: 313)⁶. К сожалению, этот интереснейший эпизод русско-сербского сотрудничества славистов, до сих пор остается почти неисследованным. По умолчанию считается, что академик Белич, известный русофил, учившийся в России, избранный членом-корреспондентом Императорской академии наук в Петербурге еще в 1910 г., имевший обширные личные связи с русскими славистами, но многие годы возглавлявший главный государственный институт КСХС по поддержке «белых» русских беженцев – Державную комиссию, не испытывал симпатий к Советской России. Так, один из учителей Якобсона, его друг и коллега, член-корреспондент РАН Н.Н. Дурново (1876–1937), до 1928 г. живший в Чехословакии, в частной переписке прямо заявлял, что «А. Белич как всякий балканец не может отделить науку от политики» (Робинсон, Петровский 1992: 75). Советский Наркомат иностранных дел в 1925 г. признал А. Белича «безусловно нежелательной» персоной и отказался дать разрешение на приглашение сербского слависта на празднование 200-летнего юбилея Российской академии наук (Сорокина 2000: 123). Впрочем, подобное отношение советских властей к ученому носило скорее ситуативно-политический характер и сразу после Второй мировой войны президент Сербской академии наук А. Белич посетил Москву в дни на этот раз 220-летнего юбилея АН СССР (июнь 1945 г.) во главе официальной делегации и вскоре удостоился звания почетного профессора Московского университета (1947). Его благодарственное письмо президенту АН СССР В.Л. Комарову не оставляет сомнений, что академик очень надеялся на развитие сотрудничества с советскими славистами⁷.

Роман Якобсон и Александр Белич, вероятно, познакомились лично на проходившем в Праге в октябре 1929 г. Первом международном съезде славистов, а затем встречались там же в декабре 1930 г. на международной фонологической конференции, созванной Пражским лингвистическим кружком⁸. То, что их научное общение в эти годы носило постоянный и обоюдо заинтересованный характер, говорит и символический обмен публикациями – в 1936 г. Якобсон получил приглашение опубликовать статью в сборнике в честь 40-летия научной деятельности сербского академика (Якобсон 1937) и в свою очередь в 1938 г. надеялся на участие А. Белича в сборнике памяти Н.С. Трубецкого (От чужих к своим 2016: 307). По свидетельству Б. Станковича, Р.О. Якобсон собирался приехать в Белград осенью 1939 г. для участия в 3-м Международном съезде славистов как делегат от Брненского университета (Станкович 2012: 63), но вынужденный бежать из оккупированной Чехословакии еще 15 апреля 1939 г.,

⁶ Впрочем, недавно изданная в Белграде их небольшая переписка за 1938–1958 г., вряд ли полностью сохранившаяся, носит преимущественно деловой характер (От чужих к своим 2016: 307–316).

⁷ См.: Архив Российской академии наук. Ф. 277. Оп. 4. Д. 301.

⁸ См. известную фотографию, запечатлевшую участников этой конференции, в том числе Г. Ружичича, А. Белича и Р. Якобсона. Воспоминания об этой встрече Якобсон опубликовал в 1976 г. в сборнике в честь 100-летия А. Белича (Jakobson 1976).

заявку на участие в съезде отправить не успел, да и сам съезд ввиду начала Второй мировой войны не состоялся.

Так или иначе, но личные и институциональные контакты Р.О. Якобсона и А.Белича возобновились, как минимум, в 1950 г. (От чужих к своим 2016: 309–312). И хотя мы не располагаем сведениями, кто именно из югославских ученых стал инициатором избрания Якобсона в САНИ, думается, что оно не обошлось без самого Александра Белича, высоко ценившего труды и научно-организационную деятельность младшего коллеги и отметившего его 60-летие публикации своей статьи в сборнике в его честь (Belić 1956).

Белградская встреча 1955 г. имела и еще одно продолжение – академик Белич познакомил Р.О. Якобсона со своей бывшей студенткой, в будущем – известным лингвистом, профессором и действительным членом САНИ Милкой Ивич, в научной судьбе которой поддержка Якобсона сыграла важную роль. Через десять лет в содружестве с С. Маричем она осуществила единственное книжное издание работ Р. Якобсона на сербском языке – том «Lingvistika i poetika» вышел под в Белграде в 1966 г. Впоследствии именно М. Ивич написала прочувственный некролог русского филолога, в котором попыталась суммировать его заслуги перед югославской наукой: «У нас была особая причина оказывать почести Якобсону. Этот космополит по жизненному пути и важным достижениям был трогательно предан славянскому миру, из которого происходил. Свою приверженность этому миру он показывал разными способами. О сербской среде он всегда говорил с нескрываемой теплотой. Не только тем, что сотрудничал с журналами нашей научной области, но и выбором предмета анализа умел непосредственно обогатить нашу науку и культуру... Сербская академия наук и искусств может только гордиться тем, что великий Роман Якобсон с удовольствием назывался и ее членом» (Ивић 1984; цит. по: Радженович 2019: 316–317).

«Югославский “сфинкс” будет разгадан»⁹

Вряд ли ставшая к моменту написания этого текста академиком Милка Ивич знала об интенсивных многолетних контактах Романа Якобсона с дипломатической миссией КСХС в Праге в 20-е годы, хотя в то время он не скрывал их от коллег. Тот же Н.Н. Дурново в 1934 г. в показаниях по делу «Русской национальной партии» рассказывал: «Хотя коммунизму Якобсон тогда не сочувствовал, но к своим обязанностям в советском полпредстве относился ... добросовестно и с некоторым энтузиазмом. <...> Встречаясь часто с чехословацкими и югославскими дипломатами, он в беседе с ними проводил мысль о необходимости установления правильных дипломатических отношений Чехословакии и Югославии с СССР» (Ашнин, Алпатов 1994: 111–112).

Как известно, дипломатические отношения между СССР и Королевством Югославия были установлены только в 1940 г., однако первые попытки диалога между королевским правительством в Белграде и Советской Россией предпринимались еще в годы гражданской войны в России летом 1920 г. (Станков

⁹ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53959. Папка 276. Л. 94 (из «Дневника» полпреда К.К. Юренева).

2018, с. 153). Несколько лет спустя они стали приобретать систематический характер с обеих сторон. Существенным, но не главным, камнем преткновения на пути официального признания Советской России было решение «русского (= эмигрантского) вопроса» и позиция по нему короля Александра I (Карагеоргиевича) и поддерживавших его политических сил. Благодаря им старая российская дипломатическая миссия в Белграде продолжала свою работу до 1924 г. Между тем, уже весной 1922 г. в кулуарах Генуэзской конференции на встрече советского наркома по иностранным делам Георгия Чичерина и министра иностранных дел КСХС Момчило Нинчича обсуждалась перспектива минимизации деятельности «белых» российских эмигрантов на территории Королевства. А 6 марта 1924 г., вслед за признанием СССР правительствами Великобритании, Италии и Франции, МИД КСХС объявило, что политическая миссия старого российского посольства в Белграде завершена и его глава В.Н. Штрандтман в будущем будет лишь «Делегатом, ведающим интересами русской эмиграции».

Этому решению предшествовали интенсивные неофициальные контакты членов миссий СССР и КСХС в Праге на разном уровне. Непосредственным каналом трансляции и передачи сигналов от своих патронов о желательности переговоров по установлению дипломатических отношений стали заведующие отделами печати обеих миссий Роман Яacobсон и Стеван Ключич.

Круг служебных обязанностей Яacobсона в советской миссии был весьма широк – информационный мониторинг политического «курса» местной прессы и Малой Антанты; снабжение чехословацких средств массовой информации сведениями о Советской России и ее планах; поддержание связей миссии с местными журналистами; подготовка материалов по заданию полпреда в зарубежную и советскую прессу; наконец, «выполнение отдельных, связанных с прессой и литературными кругами заданий»¹⁰.

Долгое время Яacobсон оставался единственным сотрудником миссии, владевшим многими языками, прежде всего чешским. Наряду с коммуникабельностью это обеспечивало его связи в самой широкой пражской среде и определяло особое, можно сказать привилегированное, положение Яacobсона в миссии. «Наше полпредство совершенно не в состоянии поддерживать сношения с такой массой лиц, как это делается через посредство Яacobсона, лично знающего положительно все политические, журнальные и хозяйственные сферы Праги», – признавался советский полпред (Сорокина 2000: 135). В центральном аппарате советского Наркомата по иностранным делам также фиксировали, что «**вся**¹¹ дипломатическая информация Полпредства носит неизменный подзаголовок: «Из разговоров Яacobсона с ...» и «**почти все**» связи полпредства с официальным и дипломатическим миром Праги велись через него же (Сорокина 2000: 119). В числе его собеседников, говорилось в этом же документе, «постоянно мелькают имена Т. Масарика, Э. Бенеша, Гирсы, Папоушека, Ключича (югославское посольство), Уржидила (германское посольство), Кужэ, Фишеля (французское Посольство) и ряда других» (Сорокина 2000: 119).

¹⁰ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Д. 53943. Папка 275. Л. 60.

¹¹ Здесь и далее выделено нами.

Упомянутый югославский визави Якобсона – журналист Стеван (Стево) Ключич (Клуич)¹² был также знатоком европейских языков – итальянского, немецкого, чешского, французского и даже немного говорил по-русски¹³. Он родился в хорватском Задаре в 1889 г., гимназию окончил в Сплите, в годы Первой Балканской войны пошел добровольцем в сербскую армию. В 1919 г. Ключич окончил философский факультет Карлова университета в Праге, здесь женился и здесь же родилась его дочь. С мая 1921 г. он служил в Министерстве иностранных дел Королевства СХС (пресс-атташе в миссиях в Праге и в Софии), затем был представителем Центрального пресс-бюро правительства Королевства Югославии.

Впервые имя Стевана Ключича в доступных нам документах¹⁴ появляется в сентябре 1923 г. в «Дневнике полпреда» К.К. Юренева¹⁵; с этого момента встречи Ключича и Якобсона происходили с разной частотой и интенсивностью на протяжении всего периода 1923–1927 г., став важным неофициальным каналом общения советской и югославской миссий. С учетом великолепной памяти Якобсона можно предположить, что в ходе доклада полпреду он точно воспроизводил речь собеседника, но остается неизвестным, на каком языке общались Роман Якобсон и Стеван Ключич (немецкий, чешский?) и в какой мере перевод их «бесед» на русский язык соответствовал исходной информации. Тем не менее, голоса югославских политиков, звучащие сквозь текст официальных записей советского полпреда «со слов Якобсона», представляют интереснейший источник, позволяющий лучше понять акценты и приоритеты югославской стороны в те или иные временные `jhntprb`.

Хотя у каждой миссии и у каждого пресс-атташе была своя повестка дня для обсуждения и свой интерес, но осенью 1923 – весной 1924 г. доминировала одна тема – перспектива прямых югославо-советских переговоров о возможности установления дипломатических отношений.

Главным проводником идеи переговоров с югославской стороны выступала группа высших чиновников МИД во главе с министром Момчило Нинчичем, которым в Праге ассистировали посол Любомир Нешич¹⁶ и советник посоль-

¹² В документах АВП РФ используется транслитерация Ключич, хотя оригинальное написание фамилии – Kluić и (то есть Клуич). Благодарю профессора И. Антанасиевич за эту консультацию.

¹³ Приношу глубокую благодарность Р. Радженович за сведения о С. Ключиче, основанные на его «Послужном списке» из фонда МИД КСХС (Архив Югославии).

¹⁴ Моя самая искренняя благодарность руководителям Историко-документального департамента МИД РФ и сотрудникам Архива внешней политики РФ МИД РФ, благодаря профессиональному и благожелательному содействию которых стала возможной моя работа в этом важнейшем для истории науки архиве.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53959. Папка 276. Л. 12. Отметим, что подобный «дневник» являлся и до сих пор является официальным документом, который ведется главным лицом миссии – полпредом или послом, фиксирующим в нем все служебные разговоры, переговоры, встречи сотрудников миссии.

¹⁶ Любомир (Люба) Нешич (1879-1932) на дипломатической службе с июля 1905 г. Адвокат в Приштине (1914), он вернулся на дипломатическую службу в октябре 1915 г. Служил по

ства Берич¹⁷. При встречах с Якобсоном в октябре-ноябре 1923 г. Ключич неоднократно указывал, что белградский МИД одобрял переговоры между югославскими и советскими представителями в Праге, однако предупреждал, что их результаты «не должны выходить наружу», да и «может стоять вопрос о каком-либо секретном соглашении, но открытого договора пока быть не может»¹⁸. Союзником переговоров Ключич называл и председателя Народной скупщины КСХС Любу Йовановича, который, по словам Ключича, «взял на себя задачу сговориться с премьер-министром Николой Пашичем». Однако опытный политик якобы категорически отвергал непосредственные переговоры с СССР: «Югославия должна будет рано или поздно занять по отношению к России вне зависимости от ее внутренней политики ту позицию, которую она занимала в прошлом, – быть на Балканах авангардом России, но в настоящее время ангажироваться еще опасно»¹⁹.

Тем не менее, уже в начале ноября 1923 г. Ключич доверительно сообщил Якобсону, что «Пашич хочет иметь договор, но хочет иметь его сам, и сам непосредственно через Нешича направлять ход переговоров». Большое впечатление, по словам Ключича, на Белград произвела сказанная полпредом Юрениным фраза о том, что «когда все государства признают Россию, для Югославии будет поздно»²⁰. Действительно, буквально еще через пару недель Роман Якобсон был приглашен к югославскому послу Л. Нешичу для консультаций – чтобы «иметь подготовленную почву для того, чтобы появиться на следующей неделе у Юренина. <...> Дело, по словам Ключича, приняло неожиданный быстрый оборот – идет “галопом”. В течение недели все наладится. Будете довольны»²¹.

В дневнике полпреда Юренина сохранилась обширная запись о встрече Р. Якобсона с Л. Нешичем 28 ноября 1923 г. Сделанная, как всегда, «со слов» пресс-атташе, она, с одной стороны, очень любопытно передает «декларацию о намерениях» югославской стороны по многим вопросам двусторонних отношений – от формулирования принципов межгосударственных отношений «России и Сербии» (!), а не СССР и КСХС, до перспектив русской эмиграции в КСХС, а с другой, прекрасно демонстрирует уровень вовлеченности Якобсона в переговорный процесс²². Приведем ее полностью:

дипломатической части в Шкодере, Триесте (1920), Тиране (1922). В 1926 г. переведен из Праги в Варшаву, затем в Софию.

¹⁷ Литератор и журналист, на дипломатической службе после Первой мировой войны. По словам Ключича, «Берич имеет сильную руку в Белграде. Он племянник Станоевича, председателя Радикального клуба и ближайшего друга Пашича» (АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53959. Папка 276. Л. 39).

¹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53959. Папка 276. Л. 101.

¹⁹ Там же. Л. 100.

²⁰ Там же. Л. 103.

²¹ Там же. Л. 148.

²² Предполагаем, что Якобсон не просто наговаривал полпреду результаты встреч, но и готовил письменный вариант, своего рода отчет о встрече, однако такие документы в архиве пока не обнаружены.

«Нешич начинает разговор с обширной декларации. Идеологически мы, конечно, очень далеки друг от друга. Русское правительство стоит на коммунистической точке зрения, Белградское – на националистической. Но мы полагаем, что это дело русского народа, какой он пожелал иметь режим.

Мы не вмешиваемся в русские внутренние дела и считаемся с реально существующим русским правительством. Последнее время, особенно последние дни, в отношении сербского правительства и сербской общественности к России наступили серьезные перемены.

Настроение сильно изменилось в пользу установления контактов с Россией, при этом не имеются в виду торговые отношения: не это главное для Югославии, у которой большой торговли с Россией быть не может. Дело идет и не о политике, а о моральной необходимости для Сербии быть близкой с Россией.

Предпосылкой отношений является взаимное невмешательство во внутренние дела. Переговоры между Сербией и представителями России начались еще во время Генуэской конференции в виде разговора Нинчича с Чичериным и продолжились во время Лозаннской конференции. Неудача тогдашних переговоров объясняется, с одной стороны, рядом бестактностей, допущенных сербскими коммунистами, с другой стороны, противодействием Пребичевича. Теперь это ликвидировано. Ликвидировано и отрицательное отношение со стороны демократов. Все партии за сближение с Россией, даже в короле произошел известный сдвиг.

Нинчич уполномочил Нешича пред отъездом последнего в Прагу войти в контакт с пражским представителем России и Нешич это в ближайшее время с радостью сделает. До сих пор он не был в состоянии ввиду того, что был звален друг делами, а кроме того, болен.

Нешич подчеркнул, что несомненно переговоры начнутся. Где они будут происходить, может быть, в Праге, может быть, в Берлине, может быть, еще где-нибудь – этого он не знает. Но он сегодня же телеграфирует в Белград, сообщит, что в понедельник он будет иметь более или менее официальную беседу с Юрневым и запросит дальнейших инструкций.

Он надеется, что он получит инструкцию, которая позволит прийти к определенным результатам еще до Рождества.

Далее он заявил, что Сербия не поддерживает и не будет поддерживать каких-нибудь эмигрантских организаций, направленных к борьбе с нынешним режимом в России, но помощь беднякам она оказывать будет. Между прочим, в Сербии есть, кажется, какие-то русские гимназии, есть, кажется, даже кадетский корпус, если не ошибаюсь, говорит Нешич. Но все это второстепенно. Конечно, по этому вопросу будет достигнуто соглашение и, конечно, как только будут установлены официальные отношения Сербии с Россией, Сербия прекратит всякие отношения с каким-либо противосоветскими организациями.

Надо сказать, что русские эмигранты в Сербии за последнее время проявили себя в ряде случаев с очень отрицательной стороны, в особенности как адепты Цанкова, и этим они послужили делу Советской России лучше, чем это могла бы сделать сама Советская Россия.

Нешич произвел на Якобсона очень солидное впечатление – “умен, хитер“. Юренив. Прага, 28 ноября 1923 г., 8 экземпляров»²³.

Через несколько дней, 3 декабря, посол Л. Нешич лично посетил советского полпреда К.К. Юренива²⁴ и, казалось, процесс обсуждения и сближения советских и югославских позиций запущен, однако уже 4 декабря события приобрели иное направление – Стеван Ключич вновь встретился с Романом Якобсоном, через которого сообщил советским дипломатам, что «в ответ на запрошенные Нешичем из Белграда инструкции о более конкретных переговорах с Россией, последний получил сообщение, что возникает новая задержка ввиду противодействия Короля, на которого оказывает влияние окружающая его камарилья, находящаяся в тесном контакте с врангелевцами, а между прочим также и с интригующими чешскими нацдемократами»²⁵. В письме заместителю наркома иностранных дел М.М. Литвинову К.К. Юренив образно резюмировал: «Поток русофильства перегораживается плотиной Пашича. Король Александр тоже против переговоров с СССР»²⁶.

Несмотря на внутривосточную турбулентность в КСХС и полную зависимость пражского диалога от нее, в январе–марте 1924 г. Якобсон и Юренив еще неоднократно встречались с Ключичем и Нешичем²⁷. В конце февраля югославские представители даже сообщали, что «все общественное мнение настроено в пользу признания СССР. Король не против признания. Нинчич всецело за. Пашич не имеет принцип. возражений. Отчетливо меняется политика по отношению к эмигрантам. Пашич: они люди прошлого»²⁸. Однако искушенные в дипломатической игре руководители советского НКВД минимально доверяли этим сообщениям. Вскоре Москва сменила полпреда К.К. Юренива, а после очередной встречи со С. Ключичем Якобсон доложил, что и последний «убедился во враждебности и непримиримости позиции Двора в русском вопросе. По словам Якобсона, это заявление Ключича звучало довольно похоронно...»²⁹. Тем не менее статус старого российского посольства в Белграде был изменен, но это оказалось, пожалуй, единственным реальным следствием осенне-зимних 1923/24 г. разговоров в Праге.

На всем протяжении 1924-1928 г. С. Ключич и Р. Якобсон постоянно встречались и обменивались информацией по широкому спектру югославских и международных проблем и благодаря этому Якобсон был осведомлен об актуальной балканской политике и ее закулисных событиях как никто другой в

²³ Указанные экземпляры – рассылка членам Коллегии НКВД. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53959. Папка 276. Л. 148-152.

²⁴ Там же. Л. 158.

²⁵ Там же. Л. 161-162.

²⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. Пор. 53957. Папка 276. Л. 17.

²⁷ Там же. Пор. 53971. Папка 278. Т.1. Л. 32, 89, 94.

²⁸ Там же. Л. 95-96.

²⁹ Там же. Л. 183.

советской миссии³⁰. В роли коммуникатора он оказался востребован и югославской стороной, которая неоднократно предлагала его кандидатуру как участника переговоров по самым деликатным вопросам. Так, например, летом 1926 г. Якобсон играл важную роль в организации в Карлсбаде встречи премьер-министра Николы Пашича с заместителем наркома иностранных дел СССР М.М. Литвиновым (Сорокина 2019а).

Все десять лет, проведенные Романом Якобсоном в Праге, были насыщены разнообразными, публичными и скрытыми, персональными, научными, научно-организационными и дипломатическими практиками, мотивировавшими и концентрировавшимися вокруг столь традиционных для дореволюционной России идей, как славянская общность и единство (Кацис, Одесский 2011: 201-232). И даже «новая славистика», основанная на структуралистском подходе, по мысли Якобсона, должна была быть теснейшим образом связана с «романтическим всеславянством» (Jakobson 1929). Как мало кто в научном сообществе, он умел находить партнеров, коллег, патронов для реализации своей стратегии. Взаимодействие Якобсона с различными властными структурами, политиками, дипломатами, журналистами, учеными КСХС - Югославии может рассматриваться именно в этой перспективе и требует дальнейшей архивной разработки.

Как показывает пример Романа Якобсона, в межвоенный период XX в., когда славистика становится составной частью большой европейской политики, слависты играли не только пассивную роль жертв различных политических режимов и военных кризисов. Напротив, многие из них имели свою собственную научную и общественную повестку дня и, служа экспертами, «переводчиками» и коммуникаторами, умело использовали свое положение для реализации профессиональных интересов.

Использованная литература

- Автономова, Наталья С., Баран, Хенрик, Щедрина, Татьяна Г. (ред.). Роман Осипович Якобсон. Москва: РОССПЭН, 2017.
[Avtonomova, Natalia S., Baran, Henryk, Shchedrina, Tatiana G. (eds.). Roman Osipovich Jakobson. Moscow: Rosspen, 2017]
- Ашнин, Федор Д., Алпатов, Владимир М. «Дело славистов»: 30-е годы. Москва: Наследие, 1994.
[Ashnin, Fedor D., Alpatov, Vladimir M. «Delo slavistov»: 30-e gody. Moscow: Nasledie, 1994]

³⁰ Несколько слов о судьбе Стевана Ключича. В августе 1928 г. он был уволен с югославской государственной службы по подозрению в работе на немецкую разведку. В дальнейшем он поселился в Берлине, где в 1936 г. на сербском, а в 1937 г. и на немецком языке вышла его книга «Путеви немачког препорода» (Пути немецкого возрождения), а также немало других пронацистских текстов и брошюр. В годы фашистской оккупации Сербии (1941–1944) Ключич вернулся в страну и активно сотрудничал с немецкой оккупационной властью, он известен как организатор и директор большой Антимасонской (антикоммунистической и антиеврейской) выставки в Белграде (1941). Есть версия, что после освобождения Белграда в 1944 г. он был расстрелян за сотрудничество с оккупантами.

- Баран, Хенрик, Гиндин, Сергей И. (отв. ред.). Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. Москва: РГГУ, 1999.
- [Baran, Henryk, Gindin, Sergey I. (eds.). Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniia. Moscow: RGGU, 1999]
- Бахтина, Валентина А. «Славистические связи русской фольклористики 20-х годов (П. Богатырев, Р. Якобсон, Ю. Соколов)». История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Докл. рос. делегации / XI Междунар. съезд славистов, Братислава, сент. 1993 г. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва: Наука, 1993, 297–323.
- [Bahtina, Valentina A. «Slavisticheskie sviazi russkoi fol'kloristiki 20-h godov (P. Bogatyrev, R. Jakobson, Yu. Sokolov)», Gennady G. Litavrin, ed. Istoriiia, kul'tura, etnografia i folklor slavianskih narodov. Moscow: Nauka, 1993, 297–323]
- Генис, Владимир Л. Неверные слуги режима: первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. Москва, 2009, 507–531.
- [Genis, Vladimir L. Nevernye slugi rezima: sovetskie nevozvrashency (1920—1933). Kn. 1. Moscow, 2009, 507–531]
- Гланц, Томаш. «Разведывательный курс Якобсона». Баран, Хенрик, Гиндин, Сергей И. (отв. ред.). Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. Москва: РГГУ, 1999, 354–362.
- [Glanc, Tomas. «Razvedyvatel'nyi kurs Jakobsona», Henryk Baran and Sergey I. Gindin, eds., Roman Iakobson: Teksty, dokumenty, issledovani. Moscow: RGGU, 1999, 354–362]
- Кацис, Леонид Ф., Одесский Михаил П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. Москва: Издательский дом «Регнум», 2011.
- [Kacis, Leonid, Odesskii, Mihail P. «Slavianskaia vzaimnost'»: Model' i topika. Ocherki. Moscow: Izdatel'skii dom «Regnum», 2011]
- От чужих к своим. Письма выдающихся представителей русской интеллигенции начала XX века Александру Беличу. Корнелия Ичин (ред.). Сост., подготовка текста и коммент. Н. Благоевич, А. Мичич и И. Мрджа. Белград: Логос, 2016, 307–316.
- [Ot chuzhikh k svoim. Pis'ma vydaushihsia predstavitelei russkoi intellegentcii nachala XX veka Akeksandru Belichu. Korneliia Ichin (ed.). Belgrade: Logos, 2016, 307– 316]
- Радженович, Ранка. «Роман Осипович Якобсон – член Сербской академии наук». Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2019, 312–317.
- [Radzenovich, Ranka. Roman Osipovich Jakobson – chlen Serbskoi akademii nauk, Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2019. Moscow: Aleksander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2019, 312–317]
- Робинсон, Михаил А., Петровский Дмитрий П. «Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте “Дела славистов” (по материалам ОГПУ–НКВД)». Славяноведение 4. 1992: 68–82.
- [Robinson, Mihail A., Petrovskii, Dmitrii P. «N.N. Durnovo i N.S.Trubetskoi: problema evraziistva v kontekste «Delf slavistov» (po materialam OGPU–NKVD)». Slavianovedenie 4. 1992: 68–82]
- Сорокина, Марина Ю. «“Ненадежный, но абсолютно незаменимый”: 200-летний юбилей Академии наук и “дело Масарика-Якобсона”». In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. Санкт-Петербург; Париж: Феникс–Atheneum, 2000, 117–142.

- [Sorokina, Marina Iu. «Nenadeznyi, no absolutno nezamenimyi»: 200-letnii jubilei Akademii nauk i «delo Masarika-Jakobsona», In Memoriam: istoricheskii sbornik pamiati A.I. Dobkina. Sankt-Peterburg; Pariz: Feniks- Atheneum, 2000, 117–142]
- Сорокина, Марина Ю. «Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах». Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2016. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2016, 73–92.
- [Sorokina, Marina Iu. “Emigrant no. 1017: Roman Jakobson v moskovskikh arkhivakh,” Ezhegodnik doma russkogo zarubezh’ia im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2016. Moscow: Aleksander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2016, 73–92]
- Сорокина, Марина Ю. «Роман Якобсон в Праге: Дела югославские». Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2019, 280–293.
- [Sorokina, Marina Iu. “Roman Jakobson v Prage: dela yugoslavskie,” Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2019. Moscow: Aleksander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2019, 280–293]
- Сорокина, Марина Ю. «Роман Якобсон в Праге: Славянский институт». Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. Москва: Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, 2019, 195–206.
- [Sorokina, Marina Iu. “Roman Jakobson v Prage: Slaviainskii institut,” Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh’ia im. Aleksandra Solzhenitsyna. 2019. Moscow: Aleksander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, 2019, 195–206]
- Стайнер, Петер. «“Which Side Are You on, Boy?”: Роман Якобсон в Праге межвоенного периода». Слово.ру: балтийский акцент 9, 1. 2018: 13–28.
- [Steiner, Peter. «“Which Side Are You on, Boy?”: Roman Jakobson v Prage mezvoennogo perioda. Slovo.ru: baltiiskii akcent, 9, 1. 2018: 13–28]
- Станков, Николай Н. «Образование Малой Антанты в документах миссии Красного Креста РСФСР в Чехословакии (1920–1921 годы)». Славянский альманах 3–4. 2018: 152–172.
- [Stankov, Nikolai N. «Obrazovanie Maloi Antanty v dokumentah missii Krasnogo Kresta RSFSR v Chechoslovakii (1920–1921 gody)». Slavianskii Almanah 3–4. 2018: 152–172]
- Станкович, Боголюб. «Несостоявшийся третий международный съезд славистов и русские». Русская диаспора и изучение русского языка и русской культуры в инославянском и иностранном окружении, (Белград, 1-2 июня 2011). Доклады. Београд: Славистичко друштво Србије, 2012, 63–68.
- [Stankovich, Bogolub. Nesostoiavshiisia tretii mezdunarodnyi s’ezd slavistov i russkie. Russkaia diaspora i izuchenie russkogo iazyka i russkoi kul’tury v inoslavianskom i inostrannom okruzenii, (Belgrad, 1-2 ijunia 2011). Doklady. Beograd, Slavistichko drushtvo Srbii, 2012, 63–68]
- Якобсон, Роман. «Спорный вопрос древнерусского правописания (дѣжгь, дѣжчь)». Zbornik lingvističkih i filoloških rasprava A. Beliću o četrdesetoj godišnjici njegova naučnog rada posvećuju njegovi prijatelji i učenici. Mlada Srbija, Beograd, 1937, 39–45.
- [Jakobson, Roman. «Spornyi vopros drevnerusskogo pravopisaniia (дѣжгь, дѣжчь)» Zbornik lingvističkih i filoloških rasprava A. Beliću o četrdesetoj godišnjici njegova naučnog rada posvećuju njegovi prijatelji i učenici. Mlada Srbija, Beograd, 1937, 39–45]
- Якобсон, Роман. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза. Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. Москва: Гилея, 2012.

- [Jakobson, Roman. *Budetliianin nauki: Vospominaniia, pis'ma, stat'i, stikhi, proza*, ed. Bengt Jangfeldt. Moscow: Gilea, 2012]
- Ивић, Милка. „Роман Осипович Јакобсон“. *Годишњак САНУ*, бр. XC за 1983. Годину. Београд, 1984, 393–395.
- [Ivić, Milka. „Roman Osipovič Jakobson“. *Godišnjak SANU*, br. XC za 1983. Godinu. Beograd, 1984, 393–395]
- Belić, Aleksandar. "A Letter in Linguistics". For Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his 60th birthday, 11 October 1956. Hague, Mouton, 1956, 31–33.
- Jakobson, Roman. „Romantické všeslovanství — nová slavistika“. *Čin* (Prague), 31. Října: 1929, 10–12.
- Jakobson, Roman. "Über den Versbau der serbokroatischen Volksepen". Proceedings of the First International Congress of Phonetic Sciences, Amsterdam, July 3–8, 1932 (Archives Néerlandaises de Phonétique Experimentale VIII–IX, 1933). P. 44–53.
- Jakobson, Roman. «Александр Белич на пражској фонолошкој конференцији». [U:] P. Savić (ur.). *Zbornik radova o Aleksandru Beliću*. Beograd: SANU, 1976, 55–59.
- Jakobson, Roman, Gojko Ružičić. "The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos". *AIPHOS X (Mélanges Henri Grégoire 2)*. Brussels, 1951, 343–355.
- Konečný, Karel, Ivanna Polley. "Roman Jakobson and Czechoslovakia in the context of Czechoslovak-Soviet relations (1920–1969)". *Modern Greek Studies Yearbook. A Publication of Mediterranean, Slavic, and Eastern Orthodox Studies* 30/31. 2014/2015: 145–170.
- Sini, Stefania, Marina Castagneto, Edoardo Esposito (a cura di). *Roman Jakobson: linguistica e poetica*. Milano: Ledizioni, 2018.

Марина Сорокина

ВИСОКА СЛАВИСТИКА И ВИСОКА ПОЛИТИКА: РОМАН ЈАКОБСОН (1896–1982) И КРАЉЕВИНА СРБА, ХРВАТА И СЛОВЕНАЦА

Резиме

Место и улога професионалних (личних и институционализованих) и геополитичких активности славистике и слависта у новом европском простору насталом након Првог светског рата још увек нису довољно проучени. Па ипак, управо у том периоду долази до значајног пораста утицаја не само славистике као научне институције и слависта као академске заједнице, већ и славистике као инструмента међународне комуникације и културне дипломатије.

„Симболички капитал“ многих чланова славистичке заједнице, скупљен у оквиру на родноослободилачких покрета, довео их је у ред чинилаца и политичара светског калибра. С друге стране новонастали „славистички свет“ као утицајни самостални чинилац постао је веома важан геополитички фактор, који је подстакао стварање нове академске инфраструктуре – катедри и научно-истраживачких центара који су се бавили проучавањем језика, књижевности, фолклора, историје, материјалне и духовне културе словенских народа.

Руски научници-слависти, од којих су се многи и сами нашли у улози избеглица услед большевичког преврата и грађанског рата у Русији (1917–1922), такође су постали

„медијатори“ новог европског научног и образовног простора и значајно су утицали на развој многоструких веза између професионалних удружења и грађанских друштава земаља које су примиле емигранте у невољи. У ову групу ушли су како познати научници, тако и млади слависти који су у Европи живели и радили са совјетским документима, рецимо Роман Јакобсон (1896–1982), Пјотр Богатирјов (1893–1971) и други, али и стручњаци млађе генерације који су стасали у условима емиграције (на пример, Иља Голенишчев-Кутузов (1904–1969), Кирил Тарановски (1911–1993) и други).

Током прве половине XX века значај ових „комуникатора“ како за подељену руску, тако и за целу европску славистичку заједницу, био је изузетан. Захваљујући њиховим личним везама, друштвеним и научним активностима обнављале су се не само непосредне везе унутар академских славистичких заједница, већ се подстицала и циркулација и транслација нових научних идеја, концепата и активности. Истовремено они су стварали својеврсне комуникативне коридоре између различитих националних и професионалних елита у условима политички нестабилног међуратног света, а међународне научне везе и пројекти служили су као један од инструмената потраге и за новим државним идентитетима словенских земаља, и новим комуникативним стратегијама славистичких научних и образовних заједница.

У оваквом контексту судбина познатог лингвисте и филолога, професора Универзитета у Харварду (САД) Романа Осиповича Јакобсона (Jakobson, 1896–1982) представља посебан интерес и има посебан значај. Након доласка у Праг (Чехословачка) јула 1920. г. у својству члана Мисије за репатријацију бивших руских заробљеника из Првог светског рата совјетског Црвеног крста, која је касније вршила функцију првог совјетског представништва, Јакобсон је живео и плодотворно радио у овој земљи (Праг, Брно), која није имала дипломатске односе са совјетском Русијом, скоро двадесет година, до 1939. г. Тих година такође га је много тога везивало и за Краљевину Срба, Хрвата и Словенаца (СХС) и Србију – пре свега његово вишегодишње научно интересовање за народно епско стваралаштво и народну поезију, сарадња са српским филолозима, као и учешће у међународном пројекту истраживања живе епске вештине казивања на Балкану и у СССР. Није случајно да је у послератном периоду Јакобсон био изабран за дописног члана Српске академије наука и уметности.

Па ипак, осим научних веза и пројеката постојала је још једна додирна тачка Јакобсона с Југославијом, која никада није била предмет истраживања историографије – активно учешће филолога у неформалним преговорима у циљу успостављања дипломатских односа између совјетске Русије и СХС. Овај рад, заснован на документима из Архива за спољну политику Руске Федерације Министарства спољних послова РФ, који се по први пут представљају научној јавности, анализира и презентује улогу Јакобсона у узајамној сарадњи с различитим структурама власти, политичарима, дипломатама, новинарима, научницима СХС и Југославије. На примеру Јакобсона у раду се показује да у међуратном периоду XX в. када славистика постаје саставни део високе европске политике, слависти нису играли само пасивну улогу жртава различитих политичких режима и ратних криза. Напротив, многи од њих имали су своје сопствене научне и друштвене циљеве и у својству стручњака, „преводилица“ и комуникатора вешто су користили свој положај како би реализовали професионалне интересе.

Кључне речи: Р. О. Јакобсон, А. Белић, М. Ивић, Н. Пашић, С. Кљујић, спољна политика, дипломатско признавање СССР, историја славистике, славистика, руска емиграција, руска дијаспора, социјална историја науке.